

УДК 94 (477.83/86)

Олег ЄГРЕШІЙ

**Підпільний священник УГКЦ
в умовах “пограничної ситуації”
(скарга о. Ярослава Сірецького Генеральному прокурору СРСР
Р. Руденку, 1959 р., про перегляд його кримінальної справи)**

У статті автор запропонував невідомий лист-скаргу підпільного греко-католицького священника Ярослава Сірецького до генерального прокурора СРСР Романа Руденка про перегляд його кримінальної справи. Скаргу священника не було задоволено повністю. Але врешті, термін ув'язнення Я. Сірецькому скоротили з десяти років до семи. Лист є частиною епістолярної спадщини священничої родини Сірецьких. Антін Сірецький разом із сім'єю у травні 1950 р. був депортований у Хабаровський край, в с. Джонка. Наголошується на важливості залучення епістолярію як особливого першоджерела у вивченні історії повсякденності підпільної Української греко-католицької церкви.

Ключові слова: священник Ярослав Сірецький, епістолярій, арешт, Українська греко-католицька церква

Oleh Yehreshii

An underground priest of the Ukrainian Greek Catholic Church in the conditions of the “border situation”: (complaint of Father Yaroslav Siretsky to the Prosecutor General of the USSR R. Rudenko of 1959 about the review of his criminal case)

An unknown letter-complaint from the underground greek catholic priest Yaroslav Siretsky to the prosecutor general of the USSR Roman Rudenko about the review of his criminal case is proposed. The priest's complaint was not upheld in full. But, in the end, the term of imprisonment for Ya. Siretsky was reduced from ten years to seven. The letter is part of the epistolary heritage of the Siretsky priestly family. The head of the family, Antin Siretsky, and his family were deported to the village of Jonka in Khabarovsk Krai in May 1950. The importance of involving the epistolary as a special primary source in the study of the everyday history of the underground Ukrainian Greek Catholic Church is emphasized.

Keywords: priest Yaroslav Siretsky, epistolary, arrest, Ukrainian Greek Catholic Church

Демократизація соціокультурного простору кінця ХХ – початку ХХІ ст. у гуманітаристиці виявляється помітним поживленням досліджень в рамках історичної біографістики. 1990-ті роки і значною мірою 2000-ті заповнювали нішу, свого роду, напрацюваннями “реабілітаційного” характеру, на які в ту пору був значний попит. В період 2000-х і 2010-х рр. особливого звучання набуває відносно новий (для пострадянського простору) напрям історичних досліджень – історія повсякденності, у полі якого з'явилися й нові можливості для розвитку персоналістики (біографістики) [3, с. 48, 50, 69, 84].

Особливостями цього етапу є характерна увага частини дослідників до мікроісторії, до вивчення історії “маленьких” людей, імен та прізвищ яких немає у посібниках чи монографіях з історії України [5, с. 17–39]. На особливому рахунку

теми, які дозволяють вивчати пощодення історичних людей у час т. зв. пограничних ситуацій – воєн, революцій, лихоліть депортацій, політичних переслідувань, репресій тоталітарних режимів тощо [1, с. 523; 2, с. 99]. Відомо, що на ХХ ст. таких випробувань українцям випало чимало.

Пропонований нижче лист змальовує один-єдиний сюжет із повсякденного життя підпільного священника Української греко-католицької церкви Ярослава Сірецького. Лист, зокрема, зображає епізод 1959 р. – скаргу священнослужителя генеральному прокуророві СРСР Романові Руденку, який, до слова, обіймав зазначену посаду майже тридцять років – з 1953 по 1981р. Листом священник просив високого чиновника про перегляд кримінальної справи, заведеної на нього у травні 1957 р. З метою збереження внутрішньої напруги та переживань автора листа, пропонуємо це епістолярне джерело до “орфографічних похибок та опечаток”. Висловлюємо припущення, що насправді цей лист написав рідний брат священника – Любомир, який будучи юристом чудово знав радянську юриспруденцію. Між братами упродовж багатьох років тривало активне листування. Переклад на російську мову належав ймовірно самому Ярославові, який у 1940-х рр. здобув фах філолога.

До слова, Ярослав (1909–1990) і Любомир Сірецькі (1907–1969) – сини відомого греко-католицького священнослужителя Антіна Сірецького (1881–1965), родина якого упродовж 1950–1964 рр. проживала у поселенні Джонка Нанайського р-ну, Хабаровського краю. Антіна Сірецького, як священнослужителя, який не “підписав православ’я” було звинувачено у антирадянській діяльності і невдовзі разом із сім’єю (дружиною, сином і дочкою) депортовано.

*Генеральному прокурору Союзу ССР тов. Руденко – Москва,
от Сирецкого Ярослава Ант.
Мордовская АССР – Потьма, п/я ж х 385 /7 –1 –10*

ЖАЛОБА

/В порядке надзора/

Решением Станиславского областного суда, состоявшегося 20 5 1957 г. я признан виновным по ст. 54¹⁰, ч. 1 УК УССР и осужден к 10 годам лишения свободы, 3 годам лишения прав и 5 лет запрещения проживать в западных областях УССР. Еще в Станиславской тюрьме в последних днях июля 1957 года мне сообщили и даже дали прочесть соответствующий документ о том, что Верх. Суд. УССР в ответ на мою кассационную жалобу, снизил мне срок наказания только к 3 годам. Упомянутый документ читали тогда вместе со мной еще 2 заключенные, жившие вместе со мной в камере: Дудник А. Г. с. Делятин, Яремчанского р-на, Станиславской обл. и Сидорук И. С. с. Молодатын. Яблоновского р-на, Станиславской обл. С того времени у всех этапах, пересылках и лагерях я регистрировался с сроком “3 года” (*ил. 1*).

В январе месяце 1959 г. меня привезли в Станиславскую тюрьму в качестве свидетеля по делу Солтыса И. М. Там у февраля месяце следователь Станисл. обл. КГБ

Ген. прокурору Союзу РСР
 тов. Руденко - Москва,
 Сирецкого Ярослава Ант.^{ст},
 Мордовская, АССР -
 Потьма,
 №/д № 2 385/7-1-10.

Жалоба.

| В порядке надзора. |

Решением Станиславского областного суда,
 состоявшегося 20. V. 1957 г., я признан виновным
 по ст. 54¹⁰, ч. I. УК УССР и осужден к 10 годам ли-
 шения свободы, 3 годам лишения прав и 5 лет запре-
 щений проживать в западных областях УССР. Еще
 в Станиславской тюрьме в последние дни июля,
 1957 г. года мне сообщили и даже дали прочесть со-
 ответствующий документ о том, что Верх. Суд УССР,
 в ответ на мою кассационную жалобу, снизил мн
 срок наказания только к 3 годам. Упомянутый до-
 кумент читали тогда вместе со мной еще 2 заклю-
 ченные, жившие вместе со мной в камере: Дудник
 А. Г., с. Делятин, Дремлянского р-на, Станиславской обл
 и Видорук И. В., с. Молодятьин, Яблоновского р-на, Станиславской обл. В то же время у всех 3-х, пере-

л-т Козлов, обратил мое внимание на то, что я неправильно указываю срок наказания, так как я осужден к 10 годам лишения свободы, а нигде не имеется такого документа, который указывал бы на снижение срока к 3 годам. Когда же на мое требование, принесли из архива КГБ мое дело № 10.409, мы вместе из л-том Козловым нашли вышеупомянутый документ у виде печати бланка с штампом Верх. Суда Укр.ССР с датой “Киев. 26 июля 1957 г.” где написано, что: “Сірецький Ярослав Антонович засуджений на 3 роки позбавлення волі”. Этот документ отмечен красным карандашом как 265 лист моего дела. Следователь сравнил еще мое дело с архива КГБ с делом, имевшимся в архиве тюрьмы и сообщил мне, что там тоже имеется соответствующий документ с указанием срока “3 года”, но “это наверно ошибка”, которую обещал выяснить у Верх. Суда в Киеве, а результат мне сообщит. Однако до конца моего пребывания в тюрьме в Станиславе меня больше не вызывал, несмотря на то, что в этой тюрьме я содержался с 22.I – 22.V.1959, причем на допросы вызывали меня не более 7–8 раз.

Поэтому я дальше остался убежден, что срок моего наказания 3 года и больше поэтому никто ничего не объясняет.

Приехав у лагерь п/я, ж х 385 /7 –1 в половине июня месяца э. г., я опять услышал, что мой срок не 3, а 10 лет лишения свободы. На мою жалобу, направленную сразу-же в Верховный Суд Укр.ССР, мне, без указания каких-либо мотивов (вопреки статьям, печат. в “Советской Юстиции” и др.) сообщили что у меня срок 10 лет и что с меня в 1957 г. снято только 3 г. лишения прав, а вообще то никакой нужды нет еще раз поднимать и пересматривать мое дело.

Крайне непонятно, откуда взялся и чем объяснить имеющийся в моем деле документ того-же самого Верх. Суда от 26 VII 1957 г с подписью ответственного лица о приговоре у 3 годам лишения свободы (и больше ничего!), всю эту путаницу, какая в дальнейшем вызвана неизвестно кем то и для чего вокруг меня и моего дела.

Я осужден исключительно за то, что во время обыска нашли у меня между старыми бумагами и письмами 2 или 3 небольшие “новеллы” пок. Степана Венгриновича, которые выслал мне, переписанные своей рукой мой брат, Сир. Л. А., проживающий в Хабаровском крае, пос. Джонка, район Нанайский. О их существовании и содержании я никогда не знал и даже никогда не просил его высылать мне их, так как и до тех пор неизвестна мне цель, с какой он мне их послал. Я даже не успел их прочесть до конца, забросил и прямо забыл о них, а во время следствия не мог даже пересказать их содержания и наверно поэтому ст. след. КГБ (в Станиславе) кап. Баранов был вынужден давать мне при себе читать некоторые специально подобранные места этих “новелл” после пересказывать, а на основании этого записал в протоколе, что я их “неодноразово перечитывав” ..., хотя и “не доказано, щоби давав їх ще кому небудь читати, або використовував для якої небудь пропаганди”. Так записано в протоколе следствия, а после (на основании этого) в приговорах Стан. обл. суда Верх. Суда УССР.

Во время следствия проходил свидетелем по моему делу тот же брат мой, Сир. Л. А., который под страхом личной ответственности, показал, что я просил его выслать мне эти “новеллы”, даже зная их содержание... Тогда дали нам 30-минутное

I. РЕЛІГІЙНІ ПРОЦЕСИ В ІСТОРИЧНОМУ РОЗВИТКУ

свидание в присутствии сл. Баранова, который запретил нам разговаривать о том, зачем и с какой целью брат прибыл в Станислав, а личной ставки по существу дела не дали нам совсем!! Только во время подписывания т.наз. “двух сотни” я познакомился с показаниями брата, но когда запротестовал против них и назвал их лживыми и неправдивыми, след. Б. ответил, что нужно было говорить о том раньше, когда брат был еще здесь!!!, а сейчас уже поздно. Раз он показал так оно и было!! Много позже, 2 II 1958 г. мой брат Сир.Л.А. в объяснительной записке адвокату, выправил данные в следствии показания и дал правильные показания, которые, писанные его рукой, я прибавляю к этой жалобе.

Упомянутого выше автора “новелл” Венгриновича, я никогда не знал, так как и не знал, писал ли он что-нибудь и что, а что главное: никогда никого не просил посылать мне его “новеллы”, и никогда не занимался никакой антигосударственной или антисоветской деятельностью, но и не имел никаких связей с подпольными организациями.

Еще одним свидетелем против меня “проходила” какая-то “Катерина” (фамилии не помню, их Надворнянского или Солотвинского р-на Станиславской области) которую я совсем не знаю и в глаза не видел, а которая несколько лет раньше будто бы во время следствия показала тоже против меня. Меня принуждали сознаться во всем, что она на меня наизмышляла под угрозой, что “она здесь за третьей стеной”, “сейчас же скажет мне “все это” прямо в глаза”... Когда же я попросил личной ставки с этой личностью, мне ответили, что она отбывает срок наказания в центр. Азии. и никто не будет специально сюда везти только потому, что мне так хочется!

За это, что я кат. священник и до дня ареста обслуживал верных католиков и за это, что не отрекся кат. веры и не перешел в православную веру, меня наверно не судили, потому что это противоречит советской конституции, советской законности, потому что это очень и очень понизило бы советскую власть, советскую законность и справедливость. А все таки в обвинилке и приговорах областного и Верховного судов и это тоже ставилось мне в вину! В приговорах говорится о том, что я работая священником, разжигал нац. и рел. вражду, хотя ни один свидетель, показывающий даже против меня ни во время следствия ни на суде не указал ни одного случая такого разжигания а наоборот все допрашиваемые по этому вопросу возражали, что им такая моя деятельность неизвестна.

Во время следствия я просил вызвать в качестве свидетеля на это обстоятельство, что сам никогда не относился к никому с ненавистью, нетерпимостью и средневековым фанатизмом, и другим это советовал, – Тарановского Мих. Ил. с гор. Калуш Станисл. обл. – но следователь Баранов сразу отбросил это заявление и так в предварительном следствии и на суде не проходил ни один свидетель защиты, а все только свидетели обвинения.

А роль суда, этого самого высокого и авторитетного учреждения в каждом государстве – это самое скрупулянтное искание истины и справедливости, просто страх: не осудить кого невинно, не сломать человеческой жизни! НИГДЕ НАСТОЛЬКО НЕ МЕСТО ГЕНОЦИДУ, КАК В СУДЕ!!

Но меня уже третий год не покидает убеждение, что как раз против меня в целом применен этот грубый человеконенавистнический закон геноцида, который даже суду разрешает руководствоваться личными взглядами, симпатиями и антипатиями, с чистой совестью игратья людской жизнью.

Сейчас уже никак не понимаю, отменил ли Верх. Суд. в 1957 г. этот приговор с 10 лет к 3 годам лишения свободы, как гласит упомянутый документ от 26. VII 1957 г. или после (когда и кто?) опять отменил его с 3 к 10 ю годам?

Как бы ни было, я с полным доверием обращаюсь к Вам, Гражданин Генеральный Прокурор, как к самому высокому блюстителю государственной законности, и прошу Вас, лично пересмотреть мое дело и вынести справедливый приговор.

Вместе со мной, за аналогичные преступления отбывают 2-год. срок наказания, еще по указанию старого кодекса, несколько человек, а несколько, отбыв 2/3 срока (2–3 года) освободились и уехали домой. Почему только против меня применена столь строгая мера наказания? Разве это, что я верил и молился не по-православному, а по-католически, заслуживает аж 10 годичного наказания? Это несовместимо законности столь гуманного и прогрессивного государства как наше!!

Все время пребывания в лагерях я вел себя примерно. Сразу работал в столярном цехе, после, окончив (на отлично) агрономические курсы, работал в с/хоз бригаде. Был передовиком работы, никогда не имел никаких взысканий, а наоборот получал благодарности начальника л/о Дубравлага в Станисл. тюрьму, стал даже бригадиром 18 ^{ой} бригады.

Во время пребывания в тюрьме (в качестве свидетеля, с 22 I – 22 V 1959 г.) в следствии какой-то неизвестной мне болезни, мне парализовало левую часть головы, левую руку и ноги. Рука до тех пор осталась неизлеченна и я ею не владею, а всякое лечение пока остается без результата.

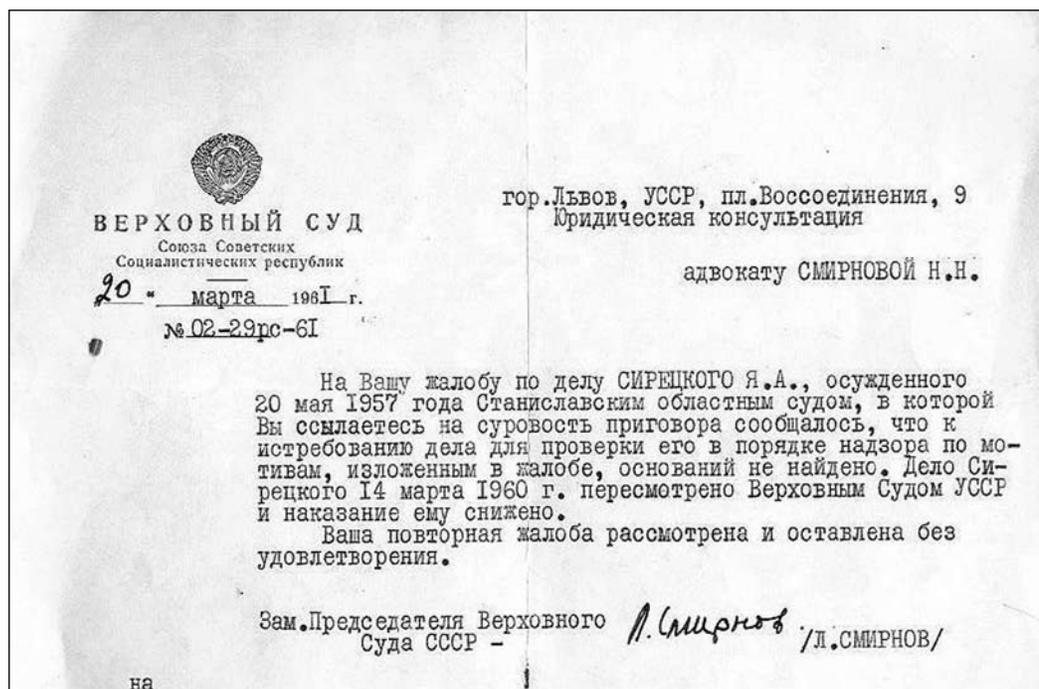
Еще раз очень прошу Вашего вмешательства в мое дело и вынесения справедливого решения, тем более, что как тяжело больной не могу работать, остаюсь только ненужным балластом для лагеря, а сам лично не имею всего, что нужно для лечения моей болезни.

Сирецкий Я. А.

Потьма, 12. IX. 1959 г.

Відповідь на скаргу о. Ярославу Сірецькому довелося чекати аж півтора року. 20 березня на ім'я його адвоката – Смирнової Н. Н. до Львова прийшов лист, у якому відзначалося, що мотиви для задоволення скарги відсутні. Водночас у листі зазначалося, що заведена на священника кримінальна справа, 14 березня 1960 р. була переглянута Верховним судом УРСР, а “покарання йому знижено” (іл. 2). Документи засвідчують, що Ярослав Сірецький направив скаргу вдруге яку, втім, задоволено не було. Відомо, що сам священнослужитель повернувся додому з Мордовії у березні 1964 р., відбувши сім років покарання замість десяти.

I. РЕЛІГІЙНІ ПРОЦЕСИ В ІСТОРИЧНОМУ РОЗВИТКУ

Іл. 2. Відмова о. Я. Сірецькому Верховного суду СРСР у задоволенні його скарги про скорочення терміну ув'язнення. 20 березня 1961 р.

1. Коляструк О. Декомунізація та проблеми дерадянзації – з позицій повсякденності. Україна ХХ століття: культура, ідеологія, політика. 2019. Вип. 24. С. 523–535.
2. Коляструк О. (Екстра)ординарність повсякденного життя в умовах Великого терору: норми чи аномалії? З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2018. № 1(49). С. 99–118.
3. Коляструк О. Історія повсякденності як об'єкт історичного дослідження: історіографічний і методологічний аспекти. Харків: Вид-во “Курсор”, 2008. 122 с.
4. Коляструк О. А. Предмет історії повсякденності: історіографічний огляд його становлення у зарубіжній та вітчизняній історичній науці. Український історичний журнал. 2007. № 1. С. 174–184.
5. Удод О. Історія повсякденності: питання методології та історіографії. Повоєнна Україна: нариси соціальної історії (друга половина 1940-х – середина 1950-х рр.). 2010. № 2. С. 17–39.
6. Удод О. Історія повсякденності як провідний напрям української історіографії. Краєзнавство. 2010. № 3. С. 5–9.
7. Удод О., Юрій М. Методологія історії і гуманітаризація знання. Історіографічні дослідження в Україні. 2013. № 23. С. 6–27.